

А. А.
БЕСТУЖЕВ-
МАРЛИНСКИЙ

Сочинения

Александр Бестужев-Марлинский

Часы и зеркало

«Public Domain»

1831

Бестужев-Марлинский А. А.

Часы и зеркало / А. А. Бестужев-Марлинский — «Public Domain»,
1831

ISBN 978-5-457-31790-1

«— Куда прикажете? — спросил мой Иван, приподняв левой рукою трехугольную шляпу, а правой завертывая ручку наемной кареты. — К генеральше S.! — сказал я рассеянно. — Пошел на Морскую! — крикнул он извозчику, хватски забегаая к запяткам. Колеса грянули, и между тем как утлая карета мчалась вперед, мысли мои полетели к минувшему...»

ISBN 978-5-457-31790-1

© Бестужев-Марлинский А. А., 1831
© Public Domain, 1831

Содержание

* * *	5
Конец ознакомительного фрагмента.	7

Александр Александрович Бестужев-Марлинский Часы и зеркало (Листок из денника)

Time steal on us and steal from us.¹

Byron

* * *

– Куда прикажете? – спросил мой Иван, приподняв левой рукою трехугольную шляпу, а правой завертывая ручку наемной кареты.

– К генеральше S.! – сказал я рассеянно.

– Пошел на Морскую! – крикнул он извозчику, хватски забега к запяткам. Колеса грянули, и между тем как утлая карета мчалась вперед, мысли мои полетели к минувшему.

Сколько приятных часов провел я у генеральши S.!.. Милая дочь, умное общество, занимательная беседа, приветливое обхождение, прекрасная дочь... Ах, Боже мой, да это повторение! – поневоле приходится начинать и заключать ею – она была душой, а может, и предметом всего этого! Чад большого света не задушил в ней искренности, придворные блески сверкали только на ее платье, но ее остроумие не имело в них надобности. Весела без принуждения, скромна без жеманства, величава без гордости, она привлекала сердце очами и обворожала умы словом. Самые обыкновенные вещи, ею произносимые, принимали особую жизнь от чувства или мысли, выраженных лицом, от намека в одушевленных звуках голоса. Никто лучше ее не умел сливать светскую ветреность с сердечною мечтательностью и, храня строгий этикет модных приличий, повелевать меж тем модою – и отлично. Всегда окружена роем комаров – остроумцев, щеголей, – мотыльков и шпанских мух – богачей, она одна как будто не замечала ни приветов, ни воздыханий, ни взоров, ни вздоров, которыми ее осыпали. Стрелы паркетных купидонов отражала она своим веером – и самые меткие высыпались вон из корсета при раздеванье, вместе с лишними булавками. Не скажу, чтобы тщеславие, чтобы злословие – две стихии большого света были ей чужды, – нет! это едва ли возможно для всякой женщины и вовсе невозможно для дамы лучшего тона. Что бы заняло их дома? о чем бы стали они шептаться на балах, на съездах, на зрелищах, если б оставить в покое все репутации, все морщинки лиц и складки платьев, все ужимки и уборы присутствующих и все городские вести, изобретенные от нечего делать и повторяемые от нечего сказать? По крайней мере, она была тщеславна более по примеру, чем по сердцу; по крайней мере, насмешки ее были растворены каким-то добродушием: не уязвить того, о ком велось слово, желала она, а только развеселить того, кому рассказывала. Далека от амазонского тона многих столичных ровесниц ее, она терпеливо слушала лепетанье добрых, неопытных, доверчивых новичков – не превращая их в мороженое уничтожительным взором или словом, брошенным с высоты презрения, и ни одно умное словцо, ни одно острое замечание не оставалось без награды ее улыбки – кем бы ни было оно сказано.

Кладу перо и хладнокровно себя спрашиваю: не мадригал ли это, сочиненный моим сердцем? Не влюблен ли я? Но что значит это слово? Я так часто был влюблен, что, мне кажется, люблю только тех, в которых не влюблялся, – следственно, не разлюбил. Нет! это не сердечное пристрастие: чувства мои к ней были нежнее приязни – но тише любви. Я доса-

довал, бывало, когда безотвязные пустословы мешали мне поговорить с ней, но не ревновал. Не знаю, мои ли обстоятельства или опасение не получить полной взаимности удержали меня между небом и землею, – только я не надевал на себя пестрого колпака вздыхателей и, скрепив сердце, грелся, но не сгорал ее красотой. Бывало, часы летели и речь кипела ключом, когда она, сбросив светские узы жеманства вместе с тафтяными цветами и пышными регалиями скуки, возвращалась в домашний круг свой, будто сейчас из пелен природы. Как простодушно умна, как непритворно чувствительна тогда бывала она! Я никогда не забуду последнего вечера, проведенного с нею: четыре года отлучки и бивачная, разбойничья жизнь в горах Кавказа не сгладили о том воспоминания: все это, как вчера, у меня перед глазами.

Со мною не церемонились – я был у них почти домашний; и после обеда мать отправилась *faire la ciïste* – немножко отдохнуть, чтобы не зевать на бале, на который собирались они. Мы остались у камина: брат ее, кавалерист, дремал под благодарным влиянием английских угольев и только порой побрякивал шпорами: видно, мысли его танцевали тогда мазурку. Старшая, замужняя сестра Софьи занималась счетом бисера для узоров кошелька; зато мы вдвоем говорили за четверых, и речь шла, конечно, не о слезах Андромахи. Слово коснулось живых картин, и я сказал, что многие дамы наши выигрывают в них безмолвием и неподвижностью, но что все мы теряли в вашем молчании, *mademoiselle Sophie*! Правда, вы были живою мыслию живописца; вы одушевили, возвысили ее собственным выражением и воображением; но одно движение, один звук вызвал бы искру восторга, который таился еще в немом созерцании!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.